

«ШТАБ РАЗДЕЛИЛСЯ НА ДВА ВРАЖДЕБНЫХ ЛАГЕРЯ...»

Дело об «измене» в штабе Северного фронта

Аннотация. В статье освещаются события, приведшие в конце 1918 года к расследованию дела о возможной измене в штабе Северного фронта. Проанализировано влияние на его ход острой конфронтации между членами реввоенсовета фронта.

Ключевые слова: Гражданская война в России; Красная армия; штаб Северного фронта; военные специалисты.

Summary. The article highlights the events, which led in the end of 1918 to investigation of the case of a possible treason in the Staff of the Northern Front. Its effect on its course is analyzed from the acute confrontation between members of the Revolutionary Military Council of the Front.

Keywords: Civil War in Russia; Red Army; Staff of the Northern Front; military experts.

В разгар Гражданской войны особую опасность для Красной армии представляли измены штабных работников, которые могли привести к неудачам на фронтах, поэтому сигналы о них привлекали пристальное внимание. Один из таких сигналов поступил в конце 1918 года из штаба Северного фронта. На расследование дела повлияла острая конфронтация между членами реввоенсовета (РВС) фронта, в результате которой оно было использовано не для выявления агентуры противника, а для сведения личных счётов. Так как документы по этому вопросу не были известны исследователям, даже в специализированных трудах о случившемся упоминается вскользь и без связи с обстановкой в штабе фронта¹.

НАЧАЛО разбирательству положил арест 3 декабря 1918 года 19-летнего А. Сергиенко (Сергеенко), пробиравшегося в Архангельск через станцию Плесецкая². Он был допрошен в штабе 18-й стрелковой дивизии И.П. Уборевичем и отправлен в Вологодскую ГубЧК. Затем арестанта направили в штаб Северного фронта, находившийся в Ярославле.

12 декабря на допросе в разведывательном отделении штаба Северного фронта Сергиенко признался, что был шпионом интервентов, в преддверии наступления белых обследовал онежское направление и станцию Обозерская.

Н.Н. Кузьмин

13 декабря 1918 года РВС Северного фронта сообщил о Сергиенко в Серпухов, в Реввоенсовет Республики (РВСР) С.И. Аралову и К.Х. Данишевскому³.

Работники штаба фронта предложили члену РВС фронта, комиссару штаба Е.М. Пятницкому отправить Сергиенко в Москву к видному большевику К.Б. Радеку (который на самом деле в то время находился в Германии). Следственная комиссия реввоен трибунала 6-й армии просила о смягчении участи задержанного, но Пятницкий не согласился и решил лично допросить шпиона.

В камеру к Сергиенко посадили бывшего офицера, чекиста К. Благовещенского. Арестованный проник к нему доверием и сообщил, что от расстрела в Вологде его спас новый командующий 6-й армией бывший генерал А.А. Самойло, который «будто бы служит на два фронта»⁴. В дальнейшем оказалось, что это было лишь предположение Сергиенко, считавшего Самойло выпускником Пажеского корпуса (который тот не оканчивал, учился в 3-й московской гимназии и в Московском военном училище⁵). Сергиенко полагал, что бывший паж не мог не быть на стороне противников большевиков. Себя Сергиенко также выдавал за воспитанника Пажеского корпуса, прожившего долгое время во Франции, но попытка комиссара Пятницкого заговорить с ним по-французски показала, что этого языка арестованный не знает.

Сергиенко рассказал Благовещенскому и о том, что началь-

ник разведывательного отделения штаба Северного фронта В.Е. Стасевич вызвал его в Ярославль для отправки в Москву, где он будет освобождён и сможет связаться с другими агентами. Кроме того, Сергиенко заявил, что в штабе фронта работает крупный агент. Благовещенский специальной запиской доложил эти сведения Пятницкому.

В камере Сергиенко нашли начатое письмо председателю следственной комиссии станции Плесецкая А. Шаммесу. В нём была лишь одна фраза: «Я нахожусь в тюрьме». Адресат также заинтересовал чекистов. Сообщалось, что Шаммес приехал из Шотландии (а британцы активно участвовали в интервенции на Севере), выступал от имени шотландского совета, интриговал против видного советского политического деятеля М.С. Кедрова и вызвал неудовольствие чекиста А.В. Эйдука. РВС Северного фронта характеризовал Шаммеса как крайне трусливого⁶.

На допросе, проведённом Пятницким, Сергиенко, частично признав то, что рассказал Благовещенскому, в провокационных целях назвал вражеским агентом ставшего ему известным штабного работника — бывшего капитана, выпускника ускоренных курсов военной академии, начальника штаба фронта Н.Н. Доможирова, который накануне беседовал с арестованным.

Конкретные факты против Доможирова отсутствовали, но в штабе фронта были заинтересованные в том, чтобы ему насолить. С подачи

Пятницкого Сергиенко начал говорить о неких намёках Доможирова во время беседы. По его словам, начштаба якобы хотел показать, что он для Сергиенко — «свой человек». Вызвало подозрение и то, что Доможиров неверно изложил Пятницкому содержание своей беседы с Сергиенко⁷. Кроме того, арестованный утверждал, будто «во всех армиях и на всех фронтах у них есть "свои люди"»⁸, сообщил и другие важные сведения. Например, о том, что политическое руководство антибольшевиков Севера переписывалось с антибольшевистскими деятелями Востока России посредством шифровок с использованием Евангелия от Луки и от Матфея. Под давлением Пятницкого Сергиенко дал показания на нескольких священников, которые вскоре были арестованы. Вопреки запугиваниям расстрелом в Москве рвался в неё, полагая, что там сможет освободиться.

Пятницкий сообщал в Серпухов, в Полевой штаб РВСР: «Я, как вероятно и Вы, стою лицом к лицу с очень тяжёлыми вопросами. Уже давно Н.Н. Доможиров обращает моё внимание. Мною установлены его интимность с нашим телеграфом; часто поздно ночью в 3—4 часа утра я заставал Доможирова на телеграфе, шепчущегося с тем или другим телеграфистом или телеграфисткой. Когда я входил, — шептанье моментально прекращалось... Приглядываясь к нему, я укреплялся в своих подозрениях и теперь глубоко убеждён, что Доможиров — человек бесчестный. Но он работает, в особенности последнее время, прилагая все усилия к тому, чтобы оправдать себя в моих глазах, ибо он чувствует, что я ему не верю, и явно боится. Работник он хороший, заменить его некем, данных конкретных нет, и потому приходится мириться временно с таким положением.

Обращает на себя внимание его привязанность к Северному фронту, так, например, в октябре ему предложили быть профессором в Академии в Москве, жалованье великолепное, служба покойная, но он отказался. Фёдор Васильевич Костяев неоднократно предлагал ему превосходное место в штабе Революционного Военного Совета Республики. Он отказывался. Когда должен был приехать командующий фронтом Надёжный, то предполагалось, что он приедет со своим начальником штаба. Однако Доможиров и на этот раз не принял пред-

ложение Костяева и попросил у меня разрешения быть начальником административного отдела штаба фронта. Ко всему этому прибавьте телеграмму Доможирова от 3-го ноября с предложением назначить Глезарова (члена РВС Северного фронта. — А.Г.) командующим фронтом.

Мною приняты меры к выяснению деятельности Доможирова.

Но должен сознаться, что задача эта крайне трудна, в особенности, если принять во внимание, что я почти одинок, что ни на кого из наших комиссаров я положиться не могу, что военный контроль наш меня далеко не удовлетворяет, я просто боюсь давать ему серьёзную задачу. На частную же агентуру и на подкупы нужных лиц у меня нет ни средств, ни полномочий. Да и возможности нет уделять этому много времени.

В общем, моё впечатление таково, что в штабах Северного фронта свили себе густые гнезда контрреволюционные организации, имеющие непрерывную связь между собой и извне. Нужно много такта, много умения и опытности для того, чтобы распутать узлы безболезненно для фронта. Прошу на это обратить серьёзное внимание и прошу по поводу изложенного указаний»⁹.

Представляется, что причиной этого сигнала был конфликт между группировками военспецов и комиссаров. По свидетельству очевидца, побывавшего в ноябре 1918 года в штабе Северного фронта в Ярославле, «по коридорам ежеминутно бегали какие-то молодые люди приличного вида, по-видимому, бывшие офицеры, звякали шпорами — гремели шашками. Иногда выходил в коридор Буров¹⁰ — и тогда стоящие зачехотаные эти молодые люди, по-видимому, ординарцы, вытаскивались и брали под козырёк. В общем, надо сказать, здесь была, как моряки говорят, налаженность и порядок. Всё работало, всё кое-что делало»¹¹. Но расследовавший события в штабе Северного фронта выпускник ускоренных курсов военной академии П.М. Майгур сообщал, что атмосфера в штабе фронта была не столь благостной: «Выясняются крайне ненормальные отношения членов реввоенсовета к Парскому¹² и друг [к] другу, вследствие чего обстановка в штабе фронта тяжёлая, что отрицательно сказывается на работе штаба фронта и даже штабов армий. Разногласия дошли до

того, что Глезаров поехал в Москву жаловаться на Пятницкого, а Пятницкий во всём винит Глезарова и Парского, и даже считает последнего не на месте. На[чалник] шта[ба] фронта стоит на стороне Пятницкого, вследствие этого штаб разделился на два враждебных лагеря, отчего, конечно, много страдает работа. Этим, пожалуй, отчасти можно объяснить и тот сепаратизм седьмой армии, который стал нам здесь известен... при наштафронте имеется 2 комиссара, из которых один тянет руку Пятницкого, а другой — Глезарова...»¹³.

Пятницкий страдал хроническим туберкулёзом с температурой 38—38,5 градуса, из-за чего бывал крайне раздражителен. Комиссара Л.М. Глезарова, которому было 23 года, называл не иначе как «болван», дурак, мальчишка», считал дезорганизатором, нередко отменял его распоряжения¹⁴. Глезаров же полагал, что отношения с Пятницким — «сплошная аномалия, безобразны и недопустимы»¹⁵. По мнению Доможирова, «ни одно заседание Реввоенсовета благополучно не проходило... создававшая обстановка в штабе может совершенно расстроить начавшую входить в норму работу: Реввоенсовет в том составе, в каком он сейчас, не может дать уверенности в спокойной и плодотворной работе, так как нервность, царящая наверху, передаётся всему штабу»¹⁶.

Командующий фронтом, бывший генерал-лейтенант Д.П. Парский 24 ноября 1918 года так охарактеризовал членов РВС фронта: «Члена Реввоенсовета Глезарова я знаю уже в течение 5-ти месяцев, так как служил вместе с ним в штабе Петроградского района и Северного участка, где я был военным руководителем, а он — комиссаром... между нами были всегда хорошие и доброжелательные отношения, никаких недоразумений никогда не происходило; если же в редких случаях у нас на почве служб происходили разногласия, то, в конечном счёте, мы всегда находили почву для соглашения и приходили к тому или иному решению вопроса. Единственно, что можно отметить, в некоторых случаях проскальзывавшее стремление у т. Глезарова выйти из пределов предоставленной ему законом роли и решить тот или иной вопрос самостоятельно. Наряду с этим должен сказать, что, как мне казалось, я

всегда пользовался полным доверием товарища Глезарова.

О доверии, каким я пользуюсь со стороны тов. Пятницкого, я не могу высказаться с такой определённою, как это сделал выше по отношению т. Глезарова, так как служил с т. Пятницким меньше, и мы ещё недостаточно знаем друг друга, но, по-видимому, и с его стороны недоверчивого отношения ко мне нет. Что же касается до совместной с ним службы, то, как мне иной раз казалось, вероятно, в силу его тяжёлой болезни, он проявлял некоторую неровность и иногда также выходил из своей законной роли, правда, преимущественно в вопросах меньшего значения, несмотря на то, что в общем т. Пятницкий определённо стремится поддерживать вполне правильную линию поведения члена Ревсовета и политического деятеля...»¹⁷.

Конфликт в РВС фронта Парский считал ненормальным. Он отмечал, что «создалась крайне нездоровая и вредная для дела атмосфера, тяжесть которой, несомненно, ощущают на себе не только я, на[чальник] шта[ба] фронта и другие работники, но и сами тт. Глезаров и Пятницкий; о последнем они не раз выражали мне лично»¹⁸. Тем не менее долгое время Парский не решался доложить о конфликте между комиссарами в РВСР, хотя его просил об этом начальник штаба Доможиров¹⁹.

В докладе об инспектировании штаба фронта от 27 ноября 1918 года сообщалось: «Взаимоотношения членов Ревсовета

Север[ного] фронта Пятницкого и Глезарова между собой достигли того, что один из них должен уйти, и только тогда работа штаба может войти в нормальное русло.

Вражда двух членов Ревсовета Сев[ерного] фронта сказалась и на комиссарах штаба [В.] Турчан и [Е.] Иофин. Так, один, Турчан, отчасти оправдывал Пятницкого, другой, Иофин, резко его во всем обвинял и оправдывал Глезарова.

Получалось впечатление, что у каждого члена Ревсовета по одному комиссару при штабфронте (начальнике штаба фронта. — А.Г.), которые следят друг за другом, сохраняя хорошие отношения между собой.

Междоусобица членов Ревсовета... есть результат резко противоположных индивидуальных особенностей. Так, т. Пятницкий — уравновешенный с твёрдым определённым ясно взглядом... но как больной туберкулёзом и довольно в значительной форме, т* всё время не ниже 38,0 — проявляет иногда резкую нервозность. Тов. Глезаров — молодой, самолюбивый, старающийся всюду проявить свое «я».

Проявление Глезаровым своего «я» достигло апогея за время пребывания т. Пятницкого в Москве, где он получил от нач[альника] шта[ба] фронта Доможирова телеграмму, в которой указывал т. Пятницкому, что не знает, кто главным фронтом (точнее — командующий фронтом. — А.Г.), Парский или Глезаров.

Сохраняя до поездки в Москву дружеские отношения, Пятницкий по возвращении в штаб повёл решительную борьбу с «системой» Глезарова... Личные отношения членов Ревсовета фронта разделили на два лагеря и комиссаров. Иофин давно работает с Глезаровым (работал с ним в Петербурге и на фронте)²⁰, к тому же они друзья, — что, конечно, и сказалось в отношениях к Пятницкому, как человеку, им новому и неизвестному. Глезаров нашёл в этом вопросе в лице Иофина горячего своего сторонника.

Т. Турчан, по его словам, старался быть нейтрален, — но борьба Пятницкого и Глезарова зашла так далеко, «что середины здесь не выберешь»...

Работа штаба может быть плодотворна при условии отстранения одного из них. И, несмотря на то, что Пятницкий болен, он, безусловно, будет более полезен штабу, чем Глезаров...

Для единства работы комиссаров штаба необходимо переместить и тов. Иофина — на соответствующую должность, но в другой штаб»²¹.

Скандалы в штабе фронта вызвали недовольство не только в Москве, Серпухове, но и в войсках. 21 ноября 1918 года член РВС 6-й армии Н.Н. Кузьмин телеграфировал Л.Д. Троцкому с копиями В.И. Ленину, Я.М. Свердлову, Г.Е. Зиновьеву, Н.И. Подвойскому, К.К. Юреневу, Б.П. Позерну и в РВС Северного фронта: «Нам вместе с товарищами Кедровым, Наумовым, Ореховым, Миничевым, Гитисом удалось из мелких разрозненных отрядов создать армию, научившуюся наносить удары регулярным войскам союзников. С организацией Северного фронта и 7 армии, казалось, работа наша пойдёт успешнее и легче, но ряд шагов штаба Сев[ерного] фронта в том его составе, который сейчас имеется, заставляет меня как комиссара армии предупредить высшего представителя военной власти о моих тревогах за твёрдость 6 армии. [В] наступивший тревожный и решительный момент развития революции данный состав штаба Сев[ерного] фронта, как он выявился рядом дезорганизующих и переменчивых распоряжений, может повредить только, но не улучшить наше положение. Я не говорю уже о странной организации штаба, где жёны генералов и полковников состоят секретарями и делопроизводителями у своих мужей, заведывающих отделами... В то время, как мы буквально изнемогаем, не имея опытных руководителей и специалистов, громадный штат специалистов забрал штаб фронта, захватив [в] качестве секретарей и делопроизводителей своих жён. Для меня непонятно, почему боевая армия должна взять на своё довольствие более 300 человек штабных, отнимая от боевых частей скудные запасы продовольствия... и не понимаю, почему боевая армия должна брать из своего состава тычки и посылать их [в] качестве караульных команд штабу фронта. Из того, что штаб фронта не может наладить отношений с ярославским и петроградским военным комиссариатом, он всю свою работу сваливает на 6 армию... опасаясь за твёрдость фронта, я считаю долгом революционера и комиссара армии заранее довести до сведения высших властей...»²².

На следующий день в ответной телеграмме Троцкий одёрнул

Л.М. Глезаров

Архив семьи Глезаровых (Москва)

Кузьмина: «Ваша телеграмма, заключающая неопределённые жалобы на отдельные распоряжения, исходящие от разных учреждений, имеет, к сожалению, характер прокламации, а не точных указаний на злоупотребления. Если в штабе Северного фронта имеются непорядки, вы обязаны были сообщить о них комиссару Глезарову. Если находите нужным моё вмешательство, укажите точно имена и факты и приложите план реорганизации Северного фронта... Если ваша мысль сводится к тому, что члены Реввоенсовета Северного фронта недостаточно наблюдают за штабом, формулируйте это точно. Я поставлю вопрос о смене комиссаров...»²³.

В процитированном ранее донесении Пятницкого в Полевой штаб РВСР о подозрении Доможирова в измене ключевым, на мой взгляд, было упоминание телеграммы начштаба от 3 ноября, в которой тот высказался за назначение комиссара Глезарова командующим фронтом. Это высказывание, очевидно, вызвало у Пятницкого сильную неприязнь и стало причиной интриги против неугодного начштаба.

Ещё одним аргументом в пользу версии об интригах Пятницкого было то, что борьбой с Доможировым он не ограничился. 13 декабря, в день отправки донесения о Сергиенко и Доможирове, Пятницкий направил в Серпухов С.И. Аралову ещё одно послание, в котором обрушился на члена РВС 6-й армии Н.Н. Кузьмина, утверждая, что тот крайне издёрган, не способен здраво рассуждать, такому человеку не место в штабе армии²⁴. Пятницкий привёл ряд примеров. По его мнению, командование 6-й армии не выполняло приказы и скрывало подлинные сведения о количестве штыков в армии, которых насчитывалось 9000, а число ртов было — 51 000. Пятницкий утверждал, что Кузьмин и поддерживавший его новый командующий армией Самойло «скрывают штыки, что у них есть полная возможность при желании и при умении организовать, как следует. Но децентрализм, беспорядок и кустарничество так глубоко вкоренились у них, что всякую нашу попытку привести их к порядку встречают ими (очевидно, имел в виду «они встречают»). — А.Г.) крайне враждебно»²⁵. Больше всего Пятницкого беспокоило то, что с отъездом прежнего командующего 6-й армией (до 22 ноября 1918 г.)

В.М. Гиттиса и командующего войсками Котласского района А.И. Геккера Кузьмин становился хозяином положения в 6-й армии²⁶.

К слову, в этой борьбе «всех против всех» Кузьмин и Самойло не оставались в долгу, но это другая история²⁷...

21 декабря Сергиенко отправили в Москву в распоряжение ВЧК²⁸. 22, 23 и 25 декабря его допрашивал член коллегии военного отдела ВЧК А.В. Эйдук. Дело арестованных на основании показаний Сергиенко нескольких священников²⁹ расследовал трибунал 6-й армии. В Москве арестовали А. Шаммеса³⁰. Вскоре он был освобождён. Проверялось и упоминание Сергиенко об агентуре белых в 6-й армии. На основании заключения Эйдука решением судебной тройки ВЧК во главе с Ф.Э. Дзержинским от 28 декабря 1918 г. Сергиенко был приговорён к расстрелу³¹, а дело в январе 1919 г. сдано в архив.

Результатом разбирательства стало перемещение комиссара Л.М. Глезарова на должность начальника общего отдела управления делами РВСР³². В декабре 1918 года в РВС фронта его сменил Я.Я. Тупин.

Конечно, нельзя полностью исключить возможность попыток военспецов штаба Северного фронта установить связи с антибольшевистским лагерем. Не исключено, что Доможиров оказался под наблюдением ВЧК вследствие беседы с Сергиенко. Впрочем, военспец был под подозрением у заместителя Троцкого Э.М. Склянского ещё в сентябре 1918 года³³, что не мешало ему получать новые ответственные назначения. Летом 1919 года Доможиров вместе с некоторыми другими военспецами, служившими в Полевом штабе РВСР, был арестован, в ноябре того же года амнистирован и продолжал службу в Красной армии.

В целом дело об «измене» в штабе Северного фронта в большей степени осветило нездоровую конфликтную атмосферу в этом штабе и подчинённых штабах, чем позволило выявить каких-либо агентов противника.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Иванов А.А. «Северная стража». Контрразведка на русском Севере в 1914—1920 гг. М., 2011. С. 162.

² Это произошло около станции Емцы. Архив регионального управления ФСБ

России по Архангельской области. Д. П-19809. Л. 4; Кубасов А.Л. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией на Европейском Севере России (март 1918 — февраль 1922 г.). М.; Вологда, 2008. С. 154.

³ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 24380. Оп. 7. Д. 55. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 4.

⁵ Список Генерального штаба. Исправлен по 1-е июня 1914 года (С приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 июля 1914 г.). Пг., 1914. С. 369.

⁶ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 55. Л. 14.

⁷ Там же. Л. 4 об.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 5, 5 об.

¹⁰ П.Н. Буров — бывший генерал-майор, начальник оперативного управления штаба Северного фронта РСФСР.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-6023. Оп. 1. Д. 2. Л. 88, 88 об.

¹² Д.П. Парский — бывший генерал-лейтенант, командующий Северным фронтом.

¹³ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 33. Л. 28.

¹⁴ Там же. Л. 101.

¹⁵ Там же. Л. 90 об.

¹⁶ Там же. Л. 98 об., 99.

¹⁷ Там же. Л. 95.

¹⁸ Там же. Л. 95 об.

¹⁹ Там же. Л. 98.

²⁰ На самом деле в сентябре 1918 г. с Глезаровым служили и комиссар разведывательного отдела В. Турчан, и комиссар отдела снабжения военного совета Северного участка и Петроградского района Е. Иофин (Требуемая ведомость на получение разницы в жаловании комиссарам и сотрудникам Военного Совета Северного участка и Петроградского района за сентябрь месяц 1918 г. Архив семьи Глезаровых). В. Турчан являлся военспецом, бывшим штабс-капитаном.

²¹ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 33. Л. 48 об.— 49 об.

²² Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 109. Д. 22. Л. 8—10, 13, 14.

²³ Там же. Л. 42.

²⁴ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 55. Л. 6.

²⁵ Там же. Л. 6, 6 об.

²⁶ Там же. Л. 6 об.

²⁷ Отголоски неприязненного отношения к Пятницкому проскальзывают на страницах воспоминаний Самойло (*Самойло А. Две жизни. М., 1958. С. 237*). Подробнее о Кузьмине см.: *Заика Л.М., Бобринев В.А. Жертвы и палачи. По материалам процессов 1919—1953 годов. М., 2011. С. 168—243.*

²⁸ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 55. Л. 7.

²⁹ Там же. Л. 8.

³⁰ Там же. Л. 9.

³¹ Архив регионального управления ФСБ России по Архангельской области. Д. П-19809. Л. 46.

³² Личный листок Л.М. Глезарова. 1922—1923 гг. (Архив семьи Глезаровых).

³³ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2. Л. 254.

А.В. ГАНИН

Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 11-31-00350а2 «Военная элита в годы Гражданской войны 1917—1922 гг.»